

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш25

**Шарапов, Валерий Георгиевич.**

Ш25 Комната с загадкой / Валерий Шарапов. -  
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Короли го-  
родских окраин. Послевоенный криминаль-  
ный роман).

ISBN 978-5-04-205563-8

Черeda странных событий взбудоражила городскую окраину. Колька Пожарский услышал в комнате одинокой соседки Татьяны Брусникиной чужие шаги, кинулся ловить вора, но тот ускользнул. А спустя время из проходящего поезда на насыпь выпал труп, как выяснилось позже — пожарного инспектора, который тоже приходил к Брусникиной. Вскоре у все той же Татьяны нашлась двенадцатилетняя дочь. Ее считали погибшей во время войны... Капитан милиции Николай Сорокин не верит в совпадения. Вместе с Колькой и его друзьями оперативники решают присмотреться к одинокой женщине и ее загадочной квартире...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205563-8

Медицина — точная наука. Ею давно исследованы все самые важные вопросы. Скажем, когда дитя должно поднять головку и удержать ее хотя бы полминуты без посторонней помощи. Или в каком возрасте важно проползти первые несколько сантиметров по-пластунски. Известно также, во сколько лет можно выдавать первую ложку каши, а также сколько зубов и когда должно вылезти, когда маленькому гражданину год, два, три. Примерно понятно, какого роста и когда полагается достичь.

А опытный доктор, заведующий психиатрическим отделением, не мог не сокрушаться насчет того, как фатально медицина не поспевает за жизнью. Особенно та часть, которая отвечает за голову. Ведь несмотря на все научные открытия, доподлинно неизвестно, что должно твориться в голове у девчонки лет двенадцати, которая, имея целых две руки, две ноги и один язык — то есть все необходимые инструменты для того, чтобы обратиться за помощью, как-то устроить житье-бытье, — вместо того полезла в петлю, предварительно налившись до бровей дурной водкою.

Теперь вот стоит чинно, руки по швам, уперши глаза в пол, и на все вопросы лишь послушно говорит: «Ясное дело». И что ей может быть ясно...

В психиатрическое отделение девочка поступила после недельного излечения в терапии, туда попала по «Скорой». Пошла престарелая интеллигентка под оградку Ваганьковского кладбища, наковырять старым ножиком черного перегноя, подкормить гераньку, пониکشую за зиму. Отправилась ближе к сумеркам, стесняясь соседей (по старой буржуазной памяти), и чудом разглядела подслеповатыми глазами странный фрукт на дереве. А вот не пошла бы старушка — и девица осталась бы на месте, тут же, за оградой.

По счастью, бабуля не растерялась, сразу кинулась веревку перерезать. Быстрота старой москвички и невероятное для нежного возраста выпитое количество водки — вот, как оказалось, в чем был рецепт чудесного спасения. Врачи предположили, что организм был до такой степени оглушен алкоголем, что даже помер от удушья не сразу. А там и ангел в виде старушки с ножиком подоспел.

Теперь девчонка, отмытая, остриженная, в белой ситцевой рубашке ниже колен, смиренно стояла перед медиком и ждала, что будет дальше.

Заведующий, вздохнув, принялся ее осматривать. А ведь обычная девочка, выглядит так, как и положено в ее возрасте и положении. Лишь шрам от борозды на шее, аккуратно обработанный и уже почти совсем подживший, напоминал о том, что пыталась с собой сотворить отроковица.

— И ничего не помнит, — утвердительно произнес заведующий.

— Все верно, — подтвердил фельдшер, — ниче-гошеньки. Ни с кем была, ни с кем пила, ни с чего вдруг в петлю полезла.

— А это? — заведующий указал глазами.

Фельдшер тотчас намек понял, покачал головой:

— Нет-нет. Чиста, как первый снег.

— Притом судимая. Странные дела на свете творятся.

Он снова просмотрел документы. Только и есть что справка об освобождении из Каширского женского исправдома, в связи с истечением срока заключения. Откинулась вот уж два года как.

— Послушай-ка, Степан Лукич. Тут год рождения указан тысяча девятьсот двадцать восьмой.

Заведующий снова обратился к девчонке:

— Рот открой. Шире. Еще. Довольно, закрывай. Сами видите: по зубам не более двенадцати-тринадцати.

— Зато водку хлещет, как взрослая.

— Ну водка — что водка.

Педант фельдшер не унимался:

— И не только водку. В анализах у нее еще и какая-то зараза, необычный состав, с опиумом.

— Ну, понеслась. Не надо все в одну кучу валить. Без надзора, без воспитания еще не то бывает. Мало ли, кто что в себя вливает, а исходить надо из того, что зубы чужие во рту не растут. Не может ей быть за двадцать.

Степан Лукич выдвинул версию:

— Метрика восстановленная?

Через их руки много таких прошло, с неточностями в документах, с прочерками в графах «Отец» и «Мать», с грифом «Восстановлено», с именами, фамилиями и отчествами «крестных» — врачей эвакуопунктов, нянечек, медсестер. Никто не установит личность такого эвакуированного, без гражданского розыска это совершенно невозможно, а заниматься этим некому.

Заведующий спросил, где метрика, фельдшер сказал, что ее и не было.

— Охо-хо. И все-таки, дочка, как тебя звать?

Молчание.

— Не помнишь?

— Ясное дело.

— Давай вместе соображать. Маша?

Нет ответа.

— Настя? Лена? Галя? Тоня? Пес их вспомнит, как их там всех девиц зовут. — Заведующий, бывший холостяком, призвал на помощь фельдшера: — Какие еще имена есть?

— Аня, Катя, Лида, Зоя...

Девчонка обрадовалась:

— Зоя!

И фельдшер обрадовался:

— Смотри-ка, Антон Семеныч, прогресс!

— Неплохо, — похвалил заведующий, — ну-с, Зоя, так-то не тошнит, голова не кружится?

— Не-а.

— А маму, папу, может, вспомнишь? Они придут к тебе?

Молчание.

— Снова воды в рот набрала.

— Ничего, — сказал Антон Семенович, — родня найдется, ты вырастешь, не хуже других будешь. Еще на свадьбе твоей погуляем. А сейчас тебя нянечка тетя Паша отведет в палату, пока у нас обживайся.

Она смотрела, кивала, серьезно повторяя после услышанных фраз: «Ясное дело», а про себя думала: «Обживаться. Обживаться. Это от слова “жизнь”, так... какая тут жизнь? Я давно умерла, нет меня».

Санитарка проводила девочку в палату.

— Все койки пока свободны, выбирай, какая нравится... Все устроится, — пообещала она и, сунув кусок сахара в тощую руку девочки, ушла.

Закрылась дверь, повернулся ключ в замке.

Девочка села на койку у входа. Потом легла, почувствовав, что снова накатывает слабость. Легче не стало: лишь коснулась голова подушки, как тотчас в ней будто поднялись ядовитый туман и песчаная буря. Она прикрыла глаза. Странно это — гостить в собственном теле, ощущать его как чье-то чужое. Да и с головой беда, все эти мысли, картины — не поймешь, свои это или нет?

Она помнила, как очнулась в палате, а вот почему она там оказалась и с чего это так саднит горло и больно глотать — нет.

Зато помнила хорошо, до малейших деталей, до песчинки, что точно такая буря, как сейчас бушует в голове, поднималась в стеклянном шаре. Стоял такой на полке, где хранились книжки, написанные людьми с загадочными фамилиями — Скотт, Стивенсон, Твен и прочие. Внутри у него были три пирамидки — такие ма-а-а-аленькие, но как настоящие, и рядом с ними шли куда-то три крошечных верблюдика. Трогать шарик строго-настрога запрещалось, но можно было дожидаться, чтобы взрослые куда-нибудь ушли, чтобы, сняв волшебную вещицу, потрясти ее как следует.

И сразу же поднималась песчаная буря, а караван верблюдов самоотверженно, геройски шел по пылающей равнине, плюя на непогоду. Они были такие красивые, эти корабли пустыни, и пирамиды тоже, и песок был золотистый.

А вот буря, что бушевала теперь в голове, была страшная, точь-в-точь как тогда, на неизвестной станции, где-то далеко-далеко от дома.

Дом... Он остался далеко. Тот самый, с теплым уютным камином, книжными полками, добрыми маминими руками, папиной чисто выбритой щекой, ароматной, немножко пористой. Почему-то лиц уже и не вспомнить.

Наверное, зимой сорок первого она сильно болела, потому что не помнила, чтобы гуляла по снегу, лепила снеговиков, каталась на коньках,

и вышла на улицу только тогда, когда потеплело. Помнила, что делали очень болезненные уколы, от которых хотелось лезть на стену. Потом пошли с мамой в больницу, и врач сказала отправляться в санаторий. Она, испугавшись страшного слова, немедленно разревелась, и тетенька, сама огорчившись, строго спросила:

— Умереть хочешь?

Зоя отвечала вызывающе, вредным голосом:

— Хочу! Хочу! Хочу!

Мама, перепугавшись, взяла ее на руки, принялась целовать, уговаривать, а врач, хмуря брови и скрывая улыбку, лишь приговаривала: «Ничего, ничего, собирайте» — и объясняла, что все будет исключительно хорошо — свежий воздух, чистая речка, деревенское молоко и много бутербродов с маслом.

Икая, девочка требовательно спросила:

— С б-булкой?

— С булкой, — заверила честная тетенька. И не обманула.

Оказалось, что много было таких же мальчиков и девочек, которые, отплакав и выяснив, что никто не собирается их слушать, утешились. Увидели, что в санатории здорово! Светлые золотистые сосны, как столбы, подпирали синее небо, журчала прозрачная вода по круглым камушкам, стлалась под босые пятки мягкая трава, и желтый песок был как бархатный ковер.

Перед сном ласковые нянечки успокаивали, рассказывали сказки, а медсестра давала невкусный рыбий жир и вкусные яблоки.

Тогда-то она впервые забыла о доме, маме, папе и вспомнила лишь тогда, когда стало страшно. Забегали, собрали во дворе кто в чем был, в панамках, рубашках, трусах и сандалях. Даже самые добрые медсестры и воспитательницы ничего не объясняли, лишь поторапливали: «Поскорее, ребята, побыстрее, отправляемся в поход». Подогнали грузовики, всех загрузили в кузова, помчались по дороге, поднимая песчаную пыль... тогда еще золотистую, как в том волшебном шаре, с верблюдами.

Прибыли на вокзал и всех перегрузили, как маленьких барашков, в вагоны, и вот уже поезд... нет, не помчался, а пополз толстой гусеницей по рельсам, медленно, пропуская встречные составы, на дощатых боках которых были нанесены красные кресты.

Зоя помнила, что из одного выглядывал кто-то страшный, весь замотанный бинтами в красных и бурых пятнах, и гудел, как пароход: «Не туда. Не туда. Поворачивайте». Она решила, что он глупый.

А еще подбегали на каждой станции незнакомые тетеньки, впихивали в их и без того переполненные вагоны еще девочек и мальчиков, угрюмо молчащих или зареванных. Были те, которые уже не могли плакать и лишь икали. Тетеньки подскакивали, отрывая от себя цепляющиеся пальчики, тянули их вверх и выкрикивали:

- Витя Маслов!
- Маня Сурова!
- Мурочка Чашина!..

И называли прочие имена и фамилии.

В поезд брали всех, никому не отказывая, и вот уже места кончились, такая куча ребят собралась, что сидеть можно было лишь по очереди. А состав все полз и полз, было в нем, как казалось им, глядящим в окошки на поворотах, вагонов сто. Постепенно, отревевшись, дети успокоились и даже подружились. Мальчишки принялись хулиганить, девочки — расчесывать спутанные волосы, заплетать их друг дружке, чему их первым делом научили нянечки, у которых рук не хватало содержать в опрятности всю эту компанию.

И ребят все везли. На каждой станции, на которой останавливался состав, бежали люди, стягивались машины. Сначала они вместе с соседкой по нарам — Катей, она была тоже с санатория, — смотрели, кого грузят, потом надоело. Как раз Катя, выглянув в отверстие, которое заменяло окно, сказала:

- Самолет летит.
- Какой? — спросили снизу.
- Наш, — твердо сказала нянечка, — фашистов всех перебили.

Катя вдруг заверещала:

— Падает! Бегите! — и, спрыгнув с нар, бросилась вон из вагона — по ногам, по головам, по чьим-то игрушкам.

Зоя почему-то бросилась за ней.

Остальные же ребята остались, с любопытством выглядывая из «окон» и дверей на то, как разрезают синее небо красивые черные самолеты, из которых взаправду что-то сыпалось, как крупа из мешка.

Потом грянул взрыв, второй, третий... сотый. Все потонуло в грохоте, дыме, шипении, криках, вагоны тряслись, из них вываливались какие-то вещи, одеяла, сумки, тела.

Зою отбросило ударной волной, она лежала, впечатавшись лицом в траву, зажмурившись. Темно вокруг и пахнет жженым, точь-в-точь как когда у мамы молоко убежало с плиты. Наконец страшный гул начал удаляться, лишь тогда она рискнула поднять голову и оглядеться.

Поезда не было, полыхали вагоны, отовсюду слышались ужасные крики, стоны. Повсюду валялось цветное тряпье, и Зоя не сразу поняла, что это те самые мальчики и девочки, которых она только что видела живыми. Прямо над головой, на черной ветке, висела тряпкой чья-то маленькая нога в красной сандалиии. Зоя поняла, что сейчас умрет, ей показалось, что она крикнула, хотя на самом деле она, как заклинание, прошептала: «Мама! Мама...» И снова легла вниз лицом.

Потом стало слышно, как оглушительно вопят и хлопают крыльями вороны. Их была туча, они закрывали солнце. А оно между тем поднялось высоко, жарко припекало мокрую майку на спине.

И страшный, кровавый, мясной запах все усиливался.

Зоя вновь оторвала голову от земли и тотчас услышала в небе гул. Он приближался. На этот раз она не колебалась: вскочила и помчалась невесть куда — главное, чтобы подальше от этого места. И вдруг появились восставшие из тряпья живые мальчики и девочки, и теперь они уже побежали за ней. Падали и поднимали друг друга, волокли за ручки задыхающихся малышей. Так, ватагой, пробежали светлую березовую рощу — и перед ними открылось картофельное поле, все в горбах, до самого горизонта. Тут и взрослому непросто бежать, а ребята запрыгали, как блохи.

И снова налетели черные туши с крестами. Раздались крики: «Разбегайтесь!», «Ложись!» — и все попадали между рядок, вжались в землю.

Тень от крыльев закрывала землю, самолеты летели низко, чуть ли не чертя по ней брюхом. Кто-то из ребят не выдерживал, вскакивал и пускался бежать — тогда самолеты плевались огнем, и дети валялись, кувыряясь.

Зоя как упала, так и провалялась на поле до ночи, вытянувшись в струнку. Лишь когда ноги начали отмерзать, решила встать. Она не плакала, ничего не боялась, просто отупела от горя и страха. И еще ужасно хотелось есть! Зеленые ростки на горбах рядок показались знакомыми растениями, Зоя запустила пальцы в землю и откопала картошку.

Ей приходилось жевать сырую картошку, и она ей нравилась, но та картошка была вкусной, крепенькой, хрустела на зубах, а эта была вялой, горькой, в кровь обдирала рот. И все-таки, перекусив хоть так, Зоя приободрилась. Надо куда-то идти, соображала она, наверное, туда, где тепло и есть свет.

Она пошла, как ей казалось, обратно — и вскоре выяснилось, что да, свет есть. Какие-то огни блуждали среди деревьев и по полям, кто-то плакал и выл там. Зоя доверчиво отправилась туда, но вдруг остановилась, потому что испугалась, подумав, что туда, где много людей, — прилетают самолеты и засыпают тем, что разрывает людей на куски. А может, те, которые с огнями, — как раз и есть те же самые, что в самолетах?

Она пребывала в нерешительности.

Тут из-за берез показалась белая фигура, которая передвигалась не так, как обычные тети и дяди, а как-то согнувшись углом, разведя руки в стороны, шатаясь и издавая утробный, как из-под земли, стон. Страшная, она шла прямо на Зою. Девочка заверещала, как заяц, снова прыгая по грядкам, бросилась прочь...

С тех пор прошло... очень много времени прошло. Она точно помнила, что случилось тогда, и даже вот собственное имя всплыло в памяти.

И все-таки как случилось, что она оказалась в этой комнате с зарешеченными окнами, на койке

с хрустящими простынями, на которых стояли фиолетовые штампики и можно было дни и ночи напролет рассматривать трещины на стенах?

Снова, как тогда, на поле, она прошептала без голоса чудодейственное заклинание: «Мама... мама...»

## ГЛАВА 1

Апрель, тепло, время жить да радоваться. А Колька Пожарский умудрился отравиться пирогом, купленным у случайной бабки. Съездил в пятницу в управление, отвозить бумажки, а на обратном пути за каким-то лешим на вокзале угостился.

Все субботнее утро пробегал, потом слег. Свободная бабка тухлую консерву в тесто закатала. Вот уж воскресенье на исходе, ничего не крепит, не помогает. Вызванный на подмогу Анчутка поохал, но, кроме водки с солью, ничего предложить не мог.

Пожарский с отчаяния согласился и от одного запаха ожил — но лишь для того, чтобы добежать до уборной и оккупировать ее. Смущенный Яшка дежурил у дверей, отправляя соседей в уличный галюнь, и деликатно постукивал, чтобы проверить, жив ли друг.

Пельмень увещевал:

— Оставь ты его. Пусть уж все вытравит, полегчает.

Яшка разобиделся:

— Раз такой умный, сам думай, что делать! Человек на дерьмо исходит...

Андрей стогая в общагу, вернулся с бумажным кульком, в коем имели место быть некие ягоды, то ли черника, то ли черемуха. Крутым кипятком заварил их в бидоне и поставил у Кольки в комнате на тумбочке.

— Как остынет, то и пей потихоньку. Чай крепкий можешь хлебать и хлеб есть, только не свежий, вчерашний, а больше ничего не жри.

— Не стану, — утомленно пообещал Колька.

— Заскочим в училище, Семену Ильичу отрапортуем, — заверил Анчутка, — а ты лежи спокойно и не прыгай без большой нужды.

Колька лишь глаза закатил.

Убрались наконец народные целители, деликатно выставив у скорбного ложа имеющееся в распоряжении ведро. Беспокойный этот Анчутка, своими охами не дает спокойно умереть.

Колька принялся болеть. Ночь промучился, в понедельник полегчало, но как попробовал встать на работу — тут же лег пластом. Лежал тряпкой, пил по чуть-чуть из бидона. Слабость и урчание никуда не делись, но помогает эта то ли черника, то ли черемуха. Рези стихали, бегать стал куда реже. Правда, за то время, пока еще резвый был, так утомился, что теперь ноги не ходили. Встанет, до уборной добредет — и обратно падает на кровать.

И вот ведь засада — дома пусто, некому ни помочь, ни пожалеть. Соседки на работе, а семейство уехало отдыхать. Остался Колька брошенный.

Ну, конечно, они не нарочно. Бате в профкоме выдали путевки, и он, приехав на те выходные, торжественно объявил, чтобы собирались: все разом едут на море!

Наташка верещала, прыгая мартышкой на кровати. Мама просто обрадовалась. Еще бы. Отпуск — это же что-то такое, из производственных романов. Последний раз семейство Пожарских море видело в такие незапамятные времена, когда еще мамонты бродили по мирной довоенной земле. Потом Антонина Михайловна спохватилась и уточнила для очистки материнской совести:

— Что, и Коленька с нами?

Парень облился холодным потом и, не дожидаясь батиного ответа, начал излагать, старательно контролируя голос, чтобы ни капли тревоги не звучало:

— Нет, я никак не сумею. Не отпроситься.

— Чего вдруг? Ты ж вроде больше полугода отработал, имеешь право.

Можно было голову дать на отсечение, что отец незаметно для мамы, сугубо по-мужски, подмигнул. Колька продолжил в том же духе, солидно и по-взрослому:

— Да вот, Ильич ремонт затеял, с обновлением оборудования. Станки надо принимать, осваивать. Планы спустили, один встречный...

— Ах, станки и планы. Это да, святое дело, — и хотел Игорь Пантелеевич еще что-то добавить, но Антонина Михайловна пристыдила:

— Игорь, придержи свои колкости. На что ему пансионат, наши посиделки с кефиром? Мальчик вполне взрослый, вон, усы уже как у гуцула.

— Что?! — перепугался сын, хватаясь за верхнюю губу.

— Я говорю, что он и без нас найдет чем заняться. Ну а не найдет — здоровее будет. А вот Наташке с ее бронхами как раз погреться на песочке не мешает...

— Будут камушки да галька, — уточнил отец, — но в целом все верно излагаете, Антонина Михайловна. На кой он нам, этот Колька?

Они принялись обсуждать разного рода приятные детали — что с собой брать, что там выдадут — втроем уже, без сына и брата.

Колька был на этом сборище курортников лишним и поскакал поделиться новостями с Ольгой. Она же, открыв дверь и даже не пригласив на чай, лишь подбородок вздернула:

— И что?

Он смешался, забубнил:

— Думал, ты обрадуешься.

— Прыгаю от восторга. У тебя все? Извини, мне некогда.

И закрыла дверь перед носом. Правда, потом извинилась — была занята, «Педагогику» читала, —

но Колька затаил обиду. Когда животом стал скорбен, послал прощальную весточку с друзьями, Ольга, бросив свои дурацкие книжки, немедленно раскаялась, прибежала — а он ее со скрытым злорадством дальше порога не пустил:

— Нечего, иди домой. Заразишься.

— Коля, да это не то...

— Много ты понимаешь! То — не то, не твое дело. Иди отсюда и вымой руки с мылом.

Причины, по которым все у них по-дурацки получалось, — надуманные. Видите ли, к весеннему приему в пионеры кто-то в райкоме комсомола «сюрприз» пообещал. Ольга тотчас переполошилась. Она давно себе вбила в голову, что кто-то где-то там недоволен ею как пионервожатой, что смотрят на нее косо и кто-то обязательно «приедет», «проверит».

Кто приедет, что проверит? По головам, что ли, считать будут?

Колька, поднаторевший в педагогических отчетах да набравшийся мудрости от замполита училища, давно никаких «проверяющих» не боялся. Тоже мне, контролеры! Педсоставу лучше знать, где что не в порядке. Да и в комсомол — не всех надо тащить, как в стадо, а лишь тех, кто достоин. А достоин кто? Поищи таких! Так работать надо, исправляться...

Мудрый замполит дискуссии пресекал на корню: силком загонять в ряды комсомола — это

обесценить идею, за которую люди погибали. Это значит дать повод усомниться в том, что быть принятым в ряды — это огромная честь.

И хотя после всех этих речей тот же замполит деликатно заводил беседу о том, как там Пожарский, не надумал еще, Колька (который и в самом деле себя достойным вступить в комсомол не считал) отрицательно качал головой.

И пытался Ольге втолковать:

— Всегда найдутся умники, которым ничего не нравится, и ты прежде всего. Не нравится, как работаю — расходимся красиво, и всего-то дел.

Однако Ольга, когда нервничает, глупеет — это давно ясно. И она почему-то решила, что чем больше книг по тайнам педагогики перечитает, тем скорее обретет мудрость и спасение.

Парень пытался выяснить, как количество прочитанных воспитателем книг влияет на качество мозгов в головах у воспитуемых. Ольга сначала подняла его на смех, потом пошла сыпать словечками и фамилиями, да еще с таким заносчивым выражением лица, что он только диву давался ее информированности. И более не поднимал вопрос даже в шутку.

В общем, Оля училась, «подтягивая» теорию.

А Колька лежал, смиренно глядя в потолок, и думал о различных посторонних вещах. В частности, о том, как скучно болеть и хорошо бы сейчас слопать бутербродик.

Живот тотчас взвыл.

Яшка-зараза точно подметил: «Зато сколько деньжат сэкономишь на еде». Дурень, конечно, а светлую изнанку увидеть всегда может...

Поболев на спине, перевернулся на бок, от слабости задремал — до тех пор, пока не показалось, что за стеной, у соседки, по комнате кто-то ходит. Кому бы это там быть? Колька глянул на часы — одиннадцать утра. Что за безобразия. Это ж у него живот болит, а что другие трудящиеся поделявают по месту прописки в то время, когда должны работать в поте лица? К тому же у Брусникиной. Соседка Татьяна Ивановна который год жила одна, замкнуто. Тихая, высохшая, бледная, как зимний мотылек, трудилась делопроизводителем на текстильной фабрике. Одна с самого начала войны, муж-ополченец пропал без вести, единственная дочь сгинула.

Не должно быть никого, но кто-то там шляется.

«Воры, — решил Колька, — надо пойти глянуть».

Поднявшись, он выбрался в коридор, ступая неслышно и дыша через раз. Подкравшись к двери соседки, потянул на себя ручку — не поддалась, заперта. Приподнял коврик — ключ на месте. И все-таки слышно, как раз из щели под дверью, что кто-то там тихонько, легкими шагами, бродит. Николай поднял ключ, вставил в замок, повернул — и моментально за дверью послышался шум, стук, стекло звякнуло.

И Колька, заскочив в комнату, никого не увидел. Кинулся к окну, глянул во двор — пусто, в форточку